

Е.А. Зубков

Университет Яна Кохановского, г. Кельце (Польша)

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗА «ВОРА В ЗАКОНЕ»
В РОМАНЕ «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК».
ВЫРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ
PRESENTATION OF THE IMAGE OF
A «THIEF IN LAW» IN A NOVEL «THE LITTLE GOLDEN CALF».
EMBODIMENT OF MENTAL MODELS**

Ключевые слова: алгоритм поведения, ментальная модель, компонент, Воровской Закон

Keywords: algorithm of behaviour, mental model, component, Thieves' Law/Thieves' Order

Целью статьи является дальнейший анализ представления поведенческих стереотипов и алгоритмов, свойственных т.н. «ворам в законе» (т.е. «законным ворам», «законникам», «в законе»), а также упоминаний о самом Воровском Законе в романе «Золотой теленок». В первой части исследования (Зубков, 2016) мы сосредоточились на стереотипах и алгоритмах поведения, проявляемых главным героем, Остапом Бендером, которые являлись устойчивыми элементами сюжета. В данной статье мы анализируем также те алгоритмы и стереотипы поведения, упоминания которых были эпизодичны, или же свойственны иным персонажам. Особое внимание в статье, в отличие от первой части нашего исследования, мы уделяем упоминаниям о самом Воровском Законе.

В первой части исследования мы доказали, что персонаж Остапа Бендера проявлял стереотипы и алгоритмы поведения, которые на протяжении XIX-XX веков были свойственны т.н. «ворам в законе» и мотивированы соответствующим образом. Эти стереотипы и алгоритмы поведения относились к устойчивым элементам сюжета романа «Золотой теленок» и являлись ключевыми:

1. Отъем украденных денег одним преступником у другого. Обоснованием являлось т.н. «отрицательное соучастие», дореволюционный правовой термин, в настоящее время упрощенно понимаемый как «недоносительство о преступлении» (современное «отрицалово»). Обоснованием не являлось наличие придуманного долга, «право на территорию» или «плата за защиту». Не имело также место физическое воздействие или угроза такового, имеющее повторяющийся характер и свойственное не рассматриваемой здесь «дискретной антисистеме» (Воровскому Закону), а «жесткой антисистеме» ОПГ.

2. Стремление к легализации. В первой части исследования мы упоминали о невозможности для «воров в законе» советского периода легализации (с точки зрения количественного фактора), и о стремлении к легализации за рубежом современных «воров в законе». В данной связи

интересным представляется почти пророческое заключение общеизвестной версии романа: «– *Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы*» (Ильф, Петров, 2015: 716). Мы можем с уверенностью предположить, что смысл словоупотребления «управдом» имплицировал поведенческий алгоритм, противоположный стремлению к легализации и известный в современном массовом сознании как «Вор должен сидеть в тюрьме». Имеется в виду крылатая фраза Глеба Жеглова из второй серии фильма «Место встречи изменить нельзя» (1.00.49), понимаемая как необходимость любым способом отправить преступника в места лишения свободы не за конкретное уголовно-наказуемое деяние, а лишь за то, что он преступник. Лица, активно формирующие уголовный дискурс, но не являющиеся «в законе», могут ошибочно понимать этот поведенческий алгоритм как путь к «Воровскому Подходу», т.е. посвящению в смысл «Воровской Идеи» (правописание с заглавной буквы согласно принципу «case-sensitive»). Тем более, что данный поведенческий алгоритм идеологически закреплен в императивах (т.н. «Воровских Наказах» и «Рамках»), обязывающих всех «блатных», но не тех, которые «в законе» (Зубков, 2014б: 248-265). Самое интересное заключается в том, что этот поведенческий алгоритм как раз противоречит смыслу «Воровской Идеи» – **вор сидеть в тюрьме не должен** согласно упомянутым ниже религиозно-правовым системам, составляющим Воровской Закон, **но может, если ему это выгодно** (там же, 257).

В пользу утверждения о соотношении словоупотребления «управдом» с иносказательным лозунгом (экспрессивными и импрессивными аналитическими клише с актуализацией компонентов смысла в зависимости от дискурсной группы согласно функционально-прагматической модели лингвосемиотического опыта О.В. Лещака) «Вор должен сидеть в тюрьме» свидетельствует как словарная фиксация словоупотреблений с элементом *дом* (Росси, 1991: 103-104) на момент написания романа, т.е. места лишения свободы, так и разработанная нами модель для анализа русского уголовного дискурса.

Эта модель была разработана на основе синтеза взглядов Л.Н. Гумилева, У.Эко и О.В. Лещака. С ее помощью мы указали на то, что «(...) под Воровским Законом (без разделения на Новый и Старый) понимается синтез представлений о Старом римском праве до кодификации Юстиниана (Законы XII таблиц, Институции Гая, Салическая правда), Устной Традиции (с элементами Гемары и Каббалы), восточной ветви митраизма (Законы Ману и черный бон модифицированный тантраяной), Кодексе Хаммурапи и воззрениях иудео-христиан (есеев, мандеев, тибетских вариантов шиизма)» (Зубков, 2014а). Воровской Закон как «дискретная антисистема» согласно концепции Л.Н. Гумилева исследовался нами на географической, культурологической, этнологической, политико-исторической, этнографической, биографической, и филологической «степенях приближения». Мы рассматривали Воровской Закон также как «отсутствующую структуру» («пра-структуру», идеологию) согласно

взглядам У. Эко, понимавшего совершение первого выбора в ряду последующих как начало кода (Эко, 2004: 83) или идеологию, за которую принималось «(...) *все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы* (...)» (там же, 136-137), а выбор кода предопределялся соответствующей идеологией (там же, 138). Проблему «скрупулюсов» в концепции этногенеза и структуралистские неточности в «условных упрощениях» в концепции У. Эко мы устранили при помощи функционально-прагматической модели лингвосемиотического опыта О.В. Лещака. Функционально-прагматическая модель лингвосемиотического опыта позволила учитывать при анализе уголовного дискурса т.н. необратимые (асимметричные функции) Воровского Закона как «криптосистемы с открытым ключом» (Зубков, 2014б: 292-303). Синтез взглядов упомянутых исследователей позволил нам проанализировать сведения книжных источников на «филологической степени приближения» с точки зрения их внутренней и внешней противоречивости, для чего привлекались остальные «степени приближения» (проблематики и методики исследования). Ключевую роль в анализе имело модельное применение «степеней приближения».

3. Еще одним поведенческим алгоритмом, переходящим в стереотип, и являющимся устойчивым элементом сюжета, было **выдумывание фальшивых родословных и выдавание себя за кого-то другого**. Мы обратили внимание на то, что под «детьми лейтенанта Шмидта», «внуками Карла Маркса», «племянниками Фридриха Энгельса», «братьями Луначарского», «кузинами Клары Цеткин» и «потомками князя Кропоткина» авторы романа подразумевали «воров», а расхождение в «родословных» могло указывать на различные «воровские школы». В других исследованиях нами было установлено (Зубков, 2015), что на момент написания романа Воровской Закон в среде лиц, активно формирующих уголовный дискурс, еще не назывался «воровским», а просто «Законом», и был опосредованно заимствован из Польши. К пути опосредованного заимствования Воровского Закона мы вернемся в дальнейших исследованиях. В любом случае, Остап Бендер себя к «детям лейтенанта Шмидта» не причислял, он постоянно называл себя «сыном турецко-подданного» и «потомком янычаров». Эти словоупотребления указывали не на родство, а на идеологическую преемственность – для взглядов янычаров (также езидов, как себя позиционируют некоторые современные «воры в законе») был характерен синтез религиозных воззрений, похожих по содержанию, но не сути, на Воровской Закон.

В первой части исследования мы обошли вниманием ряд алгоритмов и стереотипов поведения, свойственных «ворам в законе», также являющихся устойчивыми элементами сюжета. Среди них интерес представляют следующие:

1. **Знание законодательства и индифферентное отношение к религиозным конфессиям, называемым мировыми религиями.** Ниже мы приводим примеры из рукописной версии романа (РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 36-38), которые были сверены нами с общепринятой печатной версией романа. Выделения в тексте романа были сделаны М.П. Одесским и Д.М. Фельдманом, и мы не имеем оснований подозревать их в фальсификации:

«Но я чту уголовный кодекс. Это моя слабость.

– Как же думаете отнять деньги?

– Как я думаю отнять? Отъем или увод денег варьируется в зависимости от обстоятельств. У меня лично есть четыреста сравнительно честных способов отъема» (<http://Ильф, Петров>).

В приведенной цитате проявляется только одна сторона ментальной модели рассматриваемого поведенческого алгоритма – знание законодательства. Обе части ментальной модели поведенческого алгоритма наглядно проявляются в следующей цитате:

«Почему вы продаете свою бессмертную душу? Человек не должен судиться. Это пошлое занятие. Я имею в виду кражи. Не говоря уже о том, что воровать грешно, – мама, наверно, познакомила вас в детстве с такой доктриной, – это к тому же бесцельная трата сил и энергии» (там же, с. 22).

В цитате мы видим скептическое отношение к традиционной версии Десяти заповедей, выражающееся в словоупотреблениях *доктрина, пошлое занятие и бесцельная трата*. Мы можем допускать интерпретацию Десяти заповедей согласно «символу веры» Воровского Закона – не красть людей и не красть у своих согласно Десяти заповедям Горы (Зубков, 2014б: 69-102). Об этом свидетельствует также цитата, представленная ниже, в которой особо выделяется вторая сторона ментальной модели рассматриваемого нами поведенческого алгоритма:

«Великий комбинатор не любил ксендзов. В равной степени он отрицательно относился к раввинам, далай-ламам, попам, муэдзинам, шаманам и прочим служащим культа.

– Я сам склонен к обману и шантажу, – говорил он, – сейчас, например, я занимаюсь выманиванием крупной суммы у одного упрямого гражданина. Но я не сопровождаю своих сомнительных действий ни песнопениями, ни ревом органа, ни глупыми заклинаниями на латинском или церковнославянском языке. И вообще, в этих бюрократических домах божьих непомерно раздуты штаты. Я предпочитаю работать без ладана и астральных колокольчиков (...)» (<http://Ильф, Петров>).

Рассматриваемый нами поведенческий алгоритм, могущий переходить в стереотип поведения, т.е. знание законодательства и индифферентное отношение к религиозным конфессиям, называемым мировыми религиями, проявляется также в упоминании одного из компонентов этого поведенческого алгоритма – *«Но мстительный Цесаревич продолжал ехать рядом и дразнил чиновника монотонным чтением карманного уголовного*

требника» (<http://Ильф, Петров>), т.е. **ношении УК**, а также в словоупотреблении *«уголовный требник»*, указывающем на вторую, религиозную сторону поведенческого алгоритма. Одна из сторон ментальной модели этого поведенческого алгоритма, т.е. знание законодательства, ярко проявляется также в упоминании о дискурсивных стратегиях Остапа:

«Остап говорил в скверной манере дореволюционного присяжного поверенного, который, ухватившись за какое-нибудь словечко, уже не выпускает его из зубов и тащит его за собой в течение всех десяти дней большого процесса» (<http://Ильф, Петров>).

Необходимо заметить, что религиозные ментальные модели Воровского Закона выражаются у «воров в законе» в несколько иной форме, чем у адептов религиозно-правовых систем, которые являются интегральной частью Воровского Пятикнижия. Вызвано это выбором из упомянутых религиозно-правовых систем ментальных моделей на основе их непротиворечивости остальным. Например: *«Идите, идите, – сказал он, – Я подаю только по субботам, нечего тут заливать»* (<http://Ильф, Петров>). Обоснованием подобного поведенческого алгоритма является теоретический запрет на совершение противоправных действий в субботу (Зубков, Зубкова, 2014), что приносит неудачу. При подаянии может проявляться Понятие Солидарности с просящим, который в этот день не может украсть, или же Нефеш Воровского Закона (Пикуах Нефеш Торы) – сохранение человеческой жизни перекрывает любые религиозные мотивы, не нужно доводить человека до голодной смерти.

2. Еще один интересный для целей представленного исследования поведенческий алгоритм, переходящий со временем в стереотип – **не совершать самому противоправных действий**. Этот стереотип был в некоторой степени свойственен Остапу Бендеру, но как устойчивый элемент сюжета он явственно проявлялся у гражданина Корейко:

«И он был один, совершенно один со своими миллионами. В разных концах страны на него работали большие и малые пройдохи, но они не знали, на кого работают. Корейко действовал только через подставных лиц. И лишь сам знал длину цепи, по которой шли к нему деньги» (<http://Ильф, Петров>).

По нашему мнению, в романе этот алгоритм поведения является производным от рассмотренного нами выше. В пользу подобного утверждения может свидетельствовать отсутствие в нем ментальных моделей и компонентов религиозного характера.

3. Следующим интересным поведенческим алгоритмом, свойственным «ворам в законе», является **отсутствие запрещенных предметов при себе и в личных вещах**. Содержимое чемодана, т.е. наличие отмычек, ломика и т.д., могло указывать на вину преступника в Российской империи, что великолепно описано в автобиографическом романе Урке-Нахальника (возможно Исаака Фарбаровича) (Urke-Nachalnik, 1989: 174). Для целей нашего исследования **содержимое «акушерского скавояжа» Остапа** (Ильф, Петров, 2015: 379) представляет огромное значение, поскольку оно указывает

не только на поведенческие стереотипы и алгоритмы, но и **является также упоминанием о самом Воровском Законе.**

Содержимое саквояжа было необходимо Остапу Бендеру для добывания карманных денег (Ильф, Петров, 2015: 596), и в саквояже не было запрещенных предметов. Милицейская фуражка с гербом города Киева была нужна для т.н. «разгона», т.е. выдавания себя преступником за сотрудника правохранительных органов с целью ненасильственного отъема украденных средств у других преступников. Четыре колоды карт с одинаковой рубашкой должны были использоваться для «антирелигиозных карточных фокусов» (Ильф, Петров, 2015: 615) в «идейной борьбе за денежные знаки». Красная нарукавная повязка, на которой золотом было вышито слово «распорядитель», могла использоваться для т.н. «отворота» верхней одежды (не кражи, поскольку потерпевший отдает сам). Предназначение пачки документов с круглыми сиреневыми печатями объяснить нет нужды, и мы можем предположить, что документы были *in blanco*. Докторский халат и стетоскоп могли, конечно же, быть использованы для обмана доверчивых крестьян. Однако указание на психиатрию позволяет предположить скрытый контекст.

Авторы романа могли намекать на «Чистых братьев» и, возможно, на отца Убейдаллаха ибн-Маймуна, бывшего врачом-окулистом, персом из Хузистана и зороастрийцем (Петрушевский, 1966: 285-286). По мнению Л.Н. Гумилева, врачом-окулистом был сам Убейдаллах ибн-Маймун (Гумилев, 1989: 71). Для целей нашего исследования эти расхождения не являются важными, **поскольку могло иметься в виду влияние врачей, не только окулистов, на возникновение и развитие доктрины «батин», т.е. каббалистического по своей сути поиска скрытого смысла для избранных и интерпретации определенных текстов на основе интенциональности сознания.** Необходимо заметить, что сведения о исмаилитах и их сектах на момент написания романа «Золотой теленок» были отрывочны и часто не соответствовали истине, исмаилитов часто смешивали с хуррамитам и маздакитами (Петрушевский, 1966: 276-279), взгляды на рахдонитов и Хазарский каганат были неправильны (Гумилев, 1989: 95-217), а открытие развалин Байкенда было доведено до общественности только в 2008 году.

Для исследования Воровского Закона эти сведения важны тем, что упомянутые антисистемы различной степени жесткости и дискретности похожи по религиозным воззрениям и, как следствие, наборам поведенческих стереотипов и алгоритмов, на рассматриваемую нами дискретную антисистему, проявившую себя только в конце XVI века в ином «антропогенном ландшафте». Однако имеется ряд существенных различий в «символе веры» и в этнопсихологической структуре, в том числе в отрицании манихейского принципа лжи, между дискретной антисистемой Воровского Закона и полужесткой (анти)системой рахдонитов, полужесткими антисистемами карматов и хурраматов, и дискретными антисистемами маздакитов и исмаилитов. Эти различия нами были рассмотрены ранее

(Зубков, 2014б: 87-124.). Но, как упоминалось выше, на момент написания романа «Золотой теленок» различия между рассматриваемыми антисистемами без контакта на популяционном уровне могли быть просто незаметны.

В пользу поставленного тезиса **об упоминании Воровского Закона в отнесении к врачам** и к рассмотренным выше антисистемам, может свидетельствовать «седьмая степень приближения», т.е. филология.

Для целей данной статьи огромный интерес представляет афиша и употребляемые **этнонимы / этниконы / эндоэтнонимы / макротопонимы** (<http://Ильф, Петров>). При вхождении на «географическую степень приближения» согласно концепции этногенеза в поле зрения попадает концепт **Великого Шелкового пути**: «бомбейский брамин», «индийский факир», пророк «Иоканаан» к тому же «Марусидзе», который имеет связь с «пророком Самуилом», «бродячий китайский фокусник» и, конечно же «сын Парвы» (о чем ниже). Намек усматривается также в «артист союзных республик» и «честный советский паломник-пилигрим». На остальных «степенях приближения» согласно концепции этногенеза **обозначатся влияния рассмотренных выше антисистем на дискретную антисистему**, каковой является Воровской Закон. Но на «филологической степени приближения» мы видим лишь бессмысленную, на первый взгляд, смесь этнонимов, этниконов, эндоэтнонимов и макротопонимов, обеспечивающих комический эффект, особенно если читатель не пытается и не может усмотреть скрытый контекст. Этот контекст, с точки зрения лингвосемиотики, состоит из множества коммуникативно-знаковых событий, содержащих еще большее количество различных и разнородных коммуникативных ситуаций (Leszczak, 2010: 17), и без посвящения в смысл «Воровской Идеи» читатель этого скрытого контекста просто не увидит.

Особое внимание обращает на себя очередная «родословная» «сына турецко-подданного» – иносказательный компонент «сын Парвы» (<http://Ильф, Петров>), который был удален из общеизвестной версии романа. **Упоминание о «родословной» важно, поскольку является устойчивым элементом сюжета.** Поиск слова *Парва* дал несколько на первый взгляд противоречащих себе версий:

1) Словоупотребления «брамин» и «факир» вроде бы явно указывают на Махабхарату. Однако такому указанию противоречит единственное число. Версия о имплицировании смысла «сын Книги» вполне возможна.

2) Можно усмотреть в словоупотреблении «сын Парвы» отнесение к Ам асефер (Народ Книги), т.е., опять же «сын Книги». Вполне возможен намек на трактат Канним и «сын камеры Парвы», что имплицировало бы «легенду крови» и происхождение от первосвященников народа Израилева, уведенных в Вавилон.

3) Авторы романа могли имплицировать смысл «сын Девочки» (лат. *parva* – девочка). Тем более, в тексте романа мы встречаем этому подтверждение:

«Не далее, как четыре года назад мне пришлось в одном городишке несколько дней пробыть Иисусом Христом. И все было в порядке. Я даже

накормил пятью хлебами несколько тысяч верующих. Накормить-то я их накормил, но какая была очередь!..» (<http://Ильф, Петров>).

4) Можно усмотреть отнесение к празднику Чайтра Парва в Восточной Индии, являющемуся смешением многочисленных индийских ритуалов и традиций древних племен и посвященному Шиве и его супруге богине Кали.

Как видим, приведенные версии на первый взгляд противоречивы. Принимая во внимание уровень доступа к информации на момент написания романа «Золотой теленок», а также упоминание о «родословной» как устойчивого элемента сюжета, в «поисках непротиворечивой версии» мы можем высказать предположение, что все четыре версии правильны. Как и в случае «сын турецко-подданного», иносказательный компонент «сын» имплицировал идеологическую преемственность, а компонент «Парва» указывал на то, какая именно идеология имеется в виду, т.е. на синтез религиозно-правовых систем, составляющих Воровской Закон.

В данной статье мы показали, что разработанная нами модель для анализа русского уголовного дискурса может быть применена для анализа текстов, относящихся к классике мировой литературы и являвшихся предметом многократного анализа в различных аспектах. Чисто лингвистический инструментарий при анализе упоминаний о Воровском Законе может дать слабые результаты, особенно если эти упоминания имеют форму ребусов, шарад и т.д. и опираются на ментальные модели и иносказательные компоненты, доступные определенной дискурсной группе на основании лингвосемиотического опыта.

Литература

1. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. – 768 с.
2. Зубков Е.А. Влияние иерархии ценностей в преступной деятельности на поведение индивида // Вестник Новгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки, 2014а. - № 83. – С. 68 - 73.
3. Зубков Е.А. Иносказание в русском уголовном дискурсе. «Масти», «Понятия», «Воровской Закон». – Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014б. – 396 с.
4. Зубков Е.А., Зубкова Л.А. Отражение поведенческих стереотипов ессеев в русском уголовном дискурсе // The Peculiarity of Man. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2014. - № 19. – С. 181 - 191.
5. Зубков Е.А. Представление образа «вора в законе» в романе «Золотой теленок». Материалы XXV научной конференции «Язык и культура имени Сергея Бураго», Киев 20-23.06. 2016. Рукопись первой части исследования была представлена в редакцию журнала.
6. Зубков Е.А. Формы существования Воровского Закона // Studia Methodologica. – Тернополь, 2015. – Вып. 41. – С. 38 - 45.
7. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – М.: Издательство «Э», 2015. – 720 с.
8. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок / Под ред. Одесский М.П., Фельдман Д.М. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://loveread.ec/read_book.php?id=3620&p=, свободный. - Загл. с экрана. – Язык рус., 10.2016.

9. Leszczak O. Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2010. – 415 с.

10. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV веках (Курс лекций). – Л. (СПб): Изд. Ленинградского университета, 1966. – 398 с.

11. Росси Ж., Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. Изд. 2-е, дополненное. – М.: Просвет, 1991. - Т.1 – 270 (263e) с. - Т. 2. – 548 с.

12. Urke-Nachalnik. Życiorys własny przestępcy. – Łódź: Wyd. Łódzkie, 1989. – 304 с.

13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб: Симпозиум, 2004. – 543 с.

(0,6 п.л.)